

Меч и мир: православный взгляд

Из выступления профессора МДА А.И. Осипова на третьем “Открытом дне Московской Духовной Академии”, состоявшемся 4 октября 1998 года

На протяжении всей своей истории человечество ищет мира, но война так и остается одной из самых насущных и, увы, неискоренимых проблем, решить которую сегодня оказывается так же трудно, как и тысячи лет назад. Это, к сожалению, естественно, так как феномен войны лежит в самом основании человеческой истории — грехопадении человека, исказившем его природу и в последовавшем убийстве Авеля Каином. Поэтому одновременно с развитием общества развиваются и технические средства ведения войны, а сами войны становятся все более кровопролитными и жестокими. В этой ситуации возникает вопрос: преодолима ли для человечества война?

Вавилонская башня

Нехристианская мысль, несмотря на постоянные неудачи в течение всей истории решить этот вопрос, тем не менее отвечает на него, как правило, положительно. Она предлагает различные варианты достижения мира, из которых наиболее впечатляющим является модель единого всемирного государства. Здесь уже некому и не с кем будет воевать, а любые конфликты могут быть легко устранены силами незначительных полицейских формирований.

Логика этого варианта подкупает, и она все более ощутимо воплощается в жизнь современного мира. Однако многие даже не предполагают, что в действительности может получиться из этой идеи, хотя в наши дни уже не так трудно увидеть, что идет строительство новой Вавилонской башни. Такое государство будет абсолютно рабовладельческим. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на то, как сегодня, прямо на глазах в мире происходит концентрация власти самого узкого круга лиц. В чьих руках средства массовой информации, которыми обеспечиваются нужная идеология, атмосфера общественной жизни, в чьих руках банки, на которых строится вся экономическая жизнь — у того и власть. В свою очередь, и без того узкий круг властителей становится все уже, чтобы однажды увенчаться одним единственным лидером.

Таким образом, только сейчас мы начинаем реально представлять то, о чем говорил апостол Павел еще две тысячи лет тому назад, заявляя о “человеке греха”, под властью которого окажутся все народы земного шара, и наступит мир, худший любой войны.

В связи с этим интересно обратить внимание еще на один процесс, происходящий в мире. С конца XVIII, а в XX веке особенно, идет целенаправленная дискредитация патриотизма, размывание основ традиционной религии, непрерывное осуждение любой войны, независимо от того, чем она вызвана и какова она. Осуждаются те, кто несет воинскую службу. Это разрушение любви к

родине, к Церкви, идеи жертвенности во имя своего народа, уничтожение идеи справедливой, священной войны готовит почву для создания единой веры, единой религии, единой культуры, единого всемирного государства с безликой массой рабов и властителей-богов.

Гневайтесь и не согрешайте... (Пс. 4,5)

Существует ли критерий, в данном случае — христианский критерий, по которому можно было бы судить, когда война является справедливой, а когда — нет? И может ли вообще война быть справедливой? Чтобы ответить на этот вопрос, сначала необходимо выяснить, что делает убийство злом? Очевидно, что не сама по себе смерть. Убийство становится злом лишь тогда, когда оно совершается по ненависти к человеку. Владимир Соловьев хорошо сказал об этом: “При убийстве зло состоит не в физическом факте лишения жизни, а в нравственной причине этого факта — в злой воле убивающего”. Поэтому быть убитым, как и умереть от холеры, не есть зло, ибо здесь нет нравственно злого акта воли. Но при этом злобу нельзя смешивать с гневом, ибо бывает и праведный гнев. Вспомним хотя бы, как Сам Христос, войдя в храм и увидев там торговлю, сделал кнут и начал им выгонять торговавших. И это не какой-то исключительный факт в земной жизни Господа. Евангелисты пишут о Христе: “И с гневом посмотрел на них...” Он Сам говорит иудеям гневные слова: “Змеи, порождения ехиднины, гробы окрашенные, снаружи кажущиеся святыми, а внутри исполненные всякой мерзости...”

Можно привести и другой пример из Священной истории, когда к святому Иоанну Крестителю пришли воины и спросили: “Что нам делать?” Он ответил: “Не обижайте никого и довольствуйтесь своим жалованием”. Конечно, Лев Толстой не мог бы принять такого ответа, ведь Креститель не сказал воинам: “Бросьте оружие, перестаньте воевать и проливать кровь человеческую”. Кроме того, всем известно, что многие христиане в первые века оставались воинами и даже были военачальниками. Они считали нравственно оправданной войну, когда нужно было силой противостоять нападавшему врагу. Поэтому в Церкви среди святых всегда было большое количество воинов. Взять, например, наши русские святцы: там среди мужчин, приблизительно одна половина — монахи всех чинов, от простых иноков до архиепископов, а другая половина — воины. Что это — случайность? Вопрос, думаю, риторический. Недаром самые славные люди в истории России и в истории других государств всегда были военные, то есть те, кто первыми отдавали свою жизнь за народ и Отечество.

Убийство ... по любви

И все же по какому критерию можем мы оценивать ту или другую войну?

Сначала приведем интересный рассказ из “Трех разговоров” В. С. Соловьева. В первом разговоре ведется беседа, в которой генерал рассказывает такой случай: “Во время Кавказской кампании, когда шла война с турками в связи с Арменией, мы медленно продвигались за противником, и однажды перед нами открылось огромное армянское село. Мы увидели там жуткую вещь: не толь-

ко совершенно спаленную деревню, но телеги, к которым были привязаны армяне, не успевшие убежать, а под телегами разведенные костры — их садистки убивали. Но одна картина поразила всех до глубины души. К оси телеги навзничь на земле была привязана женщина так, чтобы не могла головы повернуть. Она была мертва, у нее никаких ран, лишь лицо было искажено. Что же случилось? Буквально перед ней был вбит шест, на котором привязан голый младенец, видимо, ее сын, весь почерневший и с выкатившимися глазками, а рядом валяется решетка с потухшими углями. Ясно, что сделали изверги.

Вдруг из какого-то сухого колодца к нам выбрался армянин. Кричит, что турки пошли в рядом находящееся село. — Сколько их? — спрашиваю. — Сорок тысяч. А у нас было порядка пятисот человек и шесть пушек.

Тем не менее мы спросили короткий путь, — продолжал генерал, — и по этому пути, не рассуждая, двинулись. Получилось так, что наш отряд вышел как раз в то время, когда турки (их оказалось около четырех тысяч) входили в другое армянское селение. Тогда небольшой отряд казаков поспешил к ним, а основная наша часть осталась в засаде с замаскированными пушками. Турки, заметив казаков, не раздумывая, погнались за ними. Мы же, подпустив их, открыли по басурманам огонь картечью буквально в упор, так что успели сделать всего два залпа. Если бы турки оказались посмелее и продолжали наступление, то нам бы всем несдобровать. Но они испугались и стали отступать. Тут мы еще произвели залп картечью и потом все ринулись на них. Турки бросали оружие, просили пощады, но мы изрубили их всех, никого не оставили. И вот теперь, господа, говорю вам: у меня нет никаких добрых дел, но до сих пор, когда я вспоминаю этот случай, у меня на душе светлое Христово Воскресение. Я считаю единственным в своей жизни святым, истинно добрым делом то, которое тогда совершил!”

Совершенно очевидно, что это был настоящий подвиг, так как русские шли на явную смерть. Ведь они думали, что турок там сорок тысяч, а их самих было всего около пятисот человек. Но, с другой стороны, русские перебили всех турок, никого не пощадили. Зло совершили? Нет! Не из желания зла они действовали, но из глубокого чувства праведного гнева, которое есть одно из существенных характеристик истинной любви. Христианская оценка войны и здесь остается той же: убийство является преступлением, когда оно совершается по злобе, зависти, корыстности. Русские же, в данном случае, убивали, борясь и жертвуя своей жизнью за ту правду, за ту истину, которую видели, которую чувствовали в своей душе, и которую чувствует и понимает каждый человек.

Таким образом, оказывается, что, с христианской точки зрения, война может быть делом священным и военная служба делом святым, когда она карает злодеев и насильников.

Еще один пример двух разных войн. Что было с территорией, по которой прошли во время Отечественной войны 1812 года “просвещенные”, “культурные” солдаты французской армии? Пожары, смерть и разрушения. А как прошла русская православная армия от Москвы до Парижа? — Как чистые, невинные дети: никаких бесчинств, насилий, притеснений. Война, таким образом, должна

оцениваться не самим фактом своего существования, но ее причинами, основными движущими силами, ее целью и духом. Например, достаточно посмотреть, что армия делает с мирными жителями противника, чтобы увидеть, какова эта война. Христианство призывает: "Все нужно делать по любви к человеку. И если нет другого способа остановить зло насилия, как только силою оружия, то не смей трогать тех, кто не есть носитель зла".

Итак, по какому критерию мы можем оценить, когда меч является праведным, а когда он является злым и дьявольским? Христианство предлагает двуединый критерий. Первый из них: *отсутствие злобы*, совсем не предполагающее отсутствие праведного гнева, ибо, как мы видели, существует очень большая разница между злобой и праведным гневом. Второе условие, а точнее, другая сторона того же принципа — это *любовь*, которая в социальном плане выражается, в первую очередь, в справедливости и бескорыстии. Соловьевский генерал честно сказал о себе, что он не святой человек, но когда он увидел мерзость насилия, то его душу охватил праведный, святой гнев. А из каких истоков исходит такой гнев? Он всегда сопряжен с любовью к жертве, к обиженному, к страдающему от злой силы. Таким образом, верным, с христианской точки зрения, принципом применения меча является оказание помощи даже с риском для своей жизни тем, кто подвергается несправедливому насилию. Этот принцип жертвенной любви к истине, правде и святости в наших межчеловеческих отношениях — основополагающий в христианской оценке любых военных действий.

Но, вот, подали записку с вопросом: "Как можно говорить, что главным принципом справедливой, даже священной войны является любовь, если в Библии мы находим повеление Бога евреям после их сорокалетнего странствия по Аравийской пустыне идти и уничтожить исконные народы Палестины? Причем уничтожить полностью даже стариков, женщин и детей, не оставляя никого и ничего живого?" Это непростой вопрос. Но, думаю, ответ на него таков. Если бесспорно, что Бог мог бы найти и другие средства уничтожить эти народы за их беззакония, например, болезни, междоусобицы, землетрясения и т.д., а здесь для этой цели посылается именно еврейский народ, то причина, по-видимому, следующая. Бесспорно, что далеко не каждый гражданин способен приводить в исполнение законный смертный приговор преступнику. Для этого избираются люди с соответствующими душевными свойствами. Так и здесь, Бог не ангелом, не мором, не чумой, а руками евреев уничтожает народы с очевидной целью, чтобы показать им печальную реальность их духовного состояния, в котором они находились несмотря на все чудеса во время сорокалетнего странствия по пустыне. Бог этим как бы говорил Израилю: "Неужели не понимаешь, почему именно ты был избран совершить это страшное дело? Задумайся и покайся". Подобное обращение Бога к евреям проходит через весь Ветхий Завет, а затем и Новый, где содержатся самые резкие обличения их жестокости, неверности, и т.д. Но такое же обращение Бога имеет место и ко всем другим народам мира, когда они оказываются в том же положении и состоянии.

Человек — мера всех вещей?

Какую концепцию мира предлагает христианство? Оно утверждает беспрецедентную в религиозной среде мысль, которая до сих пор нехристианским сознанием отвергается решительно и настойчиво. Она заключается в том, что то состояние, в котором рождается, растет, развивается, живет, действует и умирает человек, в самой сути своей является *ненормальным, болезненным*.

В христианском богословии различаются два вида познания: естественное и сверхъестественное. Первое означает не что иное, как то представление о Боге, человеке и мире, которое слагается у человека из непосредственного познания окружающего мира и самого себя. Оно характеризуется тем, что, в конечном счете, все его представления даже о мире трансцендентном он наделяет земными свойствами, своими человеческими чертами.

Неслучайно, поэтому сами языческие боги оказываются столь антропоморфными. Ибо без знания от Бога человек — всему критерий. Он — норма. Другого критерия у него нет и быть не может! Этот взгляд очень хорошо выразил один из греческих мыслителей, великий софист Протагор, когда сказал: "Человек есть мера всех вещей". Что ж, великолепно! И возразить, кажется, нечего, потому что, действительно, выше головы не прыгнешь.

Однако есть и другое познание. Сверхъестественное откровение тем и отличается от естественного, что дает человеку знание, которого мы не можем найти здесь, на земле. Так, мы нигде кроме христианства не встречаем той трудной и часто вызывающей протест мысли, что наша так называемая естественная природа повреждена, ненормальна, хотя доказательств этой христианской истины достаточно. И человеческая история, и личная жизнь прямо свидетельствуют о глубоко неразумной деятельности человека. Мы, в конечном счете, делаем не то доброе, святое и истинное, что хотели бы, о чем мечтали и к чему стремились, а большей частью прямо противоположное. Также наша ненормальность обнаруживается в чувствах, желаниях, страстях, которые возникают у нас, на первый взгляд, ни с того ни с сего. Например, стандартная ситуация. Совершенно беспричинно один человек невзлюбил другого. Почему? В чем дело? Откуда взялась ненависть? Для поверхностного взгляда эти вопросы неразрешимы.

Священники рассказывают, что в их практике бывают такие случаи, когда приходит человек и жалуется на то, что он чувствует глубокую неудовлетворенность жизнью. Его начинают спрашивать:

- У Вас семейные или финансовые трудности?
- Нет, все хорошо.
- Здоровье, может быть не в порядке?
- Да нет, нормально.
- Так в чем же дело?
- Не знаю.

Прекрасной иллюстрацией этого явления служат статистические данные на Западе, где, оказывается, более половины населения испытывает глубокую неудовлетворенность жизнью, душевную тоску. Поэтому там обращений к психиатрам значительно больше, нежели к

другим врачам. Все эти примеры однозначно свидетельствуют о том, что внутри человека есть нечто такое, о чем он даже и сам не знает. В богословии этот икс называется первородным грехом. Это — не личный грех, это — не акт воли, нет. Это — наследственная расстроенность человеческой природы, передающаяся из поколения в поколение. Этим первородным грехом в значительной степени обусловлены наши личные грехи, которые, в свою очередь, порождают общественные и межгосударственные проблемы.

Победи грех в себе

Но что такое грех? Грех — есть нарушение объективно существующих духовных законов. Как нарушение физических законов приводит к печальным последствиям, так и нарушение законов духовных ведет к подобным же результатам.

Например, медицина давно уже доказала, что все называемое в христианстве грехом самым пагубным образом действует на нашу психику, на нервы, на тело. Церковь постоянно напоминает, что духовные процессы, и положительные, и отрицательные, происходящие в душе, отражаются на всем человеке, на его настроении, на его отношениях с окружающими, на его здоровье. Влияют они и на здоровье общества в целом.

Поэтому христианство утверждает, что до тех пор, пока люди не научатся бороться со своими страстями, то есть пока зло не побеждено внутри человека, оно не может быть побеждено и вовне, ибо дух творит себе формы. Заповеди же Христовы — это не препятствие к вольной жизни, а объективные законы человеческого бытия, которым, как и законам мира физического, необходимо следовать, чтобы быть счастливым и здоровым и чтобы жить в мире, а не в войне. Христианство ничего не отнимает у человека. Перефразируя мысль Паскаля, можно сказать: христианство, не лишая человека ничего жизненно необходимого, дает ему в то же время возможность даже в тяжелейших условиях этой жизни иметь то, что именуется счастьем.

Очень показателен в связи с этим пример с оптинским старцем Никоном (Беляевым). Будучи арестованным, посаженным в концлагерь со шпаной, где заболел туберкулезом, он в одном из предсмертных писем произносит поразительные слова: “Счастью моему нет предела! Наконец, я понял, что такое — Царствие Божие внутри вас есть”. То есть здесь, на земле, даже в самых жутких условиях христианство дает возможность человеку найти то, что так часто и бесплодно он ищет вне себя, — счастье.

Ведь когда говорят “Царствие Божие внутри вас есть”, то говорят не о богатстве или славе, которые мимолетны и неотвратимо отнимаются смертью, но о том счастье, которое находится в душе человека и является вечным его достоянием. Христианство говорит, что без изменения духовной жизни каждого отдельного человека невозможно положительное решение никаких жизненно важных проблем, в том числе и проблемы войны.

Ирини и шалом

Есть два понятия мира, которые принципиально отличаются друг от друга. В Евангелии Христос говорит: “Мир Мой даю вам”. Этот мир на греческом языке выражается термином “ирини”, и означает с-мир-ение, покой души, достигшей победы над своими страстями, над своим эгоизмом, и как следствие этого — любви ко всем.

Другое понимание мира выражается еврейским словом “шалом” и означает отсутствие войны, благополучную жизнь, материальное процветание. “Шалом” является одним из центральных понятий в Ветхом Завете, а “ирини” — в Новом.

Очевидно, что человек, имеющий “ирини”, становится неспособным к вражде с другими людьми. Иначе говоря, “ирини” содержит в себе “шалом” и всегда рождает его, поскольку люди с миром-ирини не могут причинять какое-либо зло другим. Отсюда мы видим, что христианство смотрит в самый корень человеческих проблем, указывая на тот источник, откуда проистекают аномалии нашей жизни, в частности, война. Приобретение “ирини” сразу, что называется, убивает двух зайцев: оно, во-первых, преображает самого человека, а, во-вторых, созидает твердую основу для прочного, справедливого мира между людьми, преображая окружающий мир.

Для иллюстрации обратимся к известному всем примеру из Евангелия, который вызывает у многих недоумение и вопросы. Христос сказал: “Ударил тебя по одной щеке — подставь другую”. О чем говорит здесь Господь?

Самое элементарное, так сказать, детское сознание подразумевает под этим прямое правило жизни — тебе дали по одной щеке — ты подставь другую.

Но в Евангелии, конечно, речь идет не о простом факте, а о принципе взаимоотношений между людьми. Сам Христос на суде ударившему Его не подставил другую щеку, а возразил: “За что бьешь Меня?” Господь научает, каким образом можно разрешить одну из сложнейших и насущнейших жизненных проблем, как снять то напряжение, ту неприязнь, которые часто возникают между людьми. Заповедью “о щеке” Христос призывает спорящих и враждующих сделать шаг навстречу друг другу. Кто первый это сделает? Естественно, тот, кто смиреннее, духовно выше и великодушнее, кто может снизить к слабости другого.

При “шаломе” же без “ирини” все человеческие страсти живут и требуют своего удовлетворения, получая которое, развиваются еще сильнее. В этом кроется глубочайшая ошибка всех тех, кто алчет плодов, но небрежет о корнях. Человек, давая пищу своим страстям, в корне разрушает сам фундамент человеческих отношений. Страсти ненасытны и, развиваясь, они неизбежно провоцируют захватнические инстинкты. Поэтому Церковь направляет мысль человека к его душе, призывая: “Человек, займись, наконец, самим собой! Не надейся на земное будущее, ты же смертен и не знаешь, в какой момент смерть отнимет у тебя ВСЕ! Подумай о вечном смысле твоей жизни! И тогда ты не будешь творить ни зла, ни насилия”.

*Публикацию подготовил
Андрей Бессарабов, 1 курс МДА*